УДК 811.511.151 DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ В ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ
(на материале эрзянского языка)

Рябов Иван Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), ryabov.74@bk.ru

Рябова Галина Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), ryabova.gv@bk.ru

Лексико-семантический пласт зооморфизмов выступает в речи с различной эмоционально-экспрессивной окраской, отражая национально-специфические черты, красоту и богатство языка. Рассмотрение зооморфизмов эрзянского языка с позиции отражения эмоций языковыми средствами не становилось объектом специального изучения. Актуальность такого исследования заключается в раскрытии лексического потенциала зоонимов эрзянского языка. Предметом анализа представленной работы являются эмотивные зооморфизмы, с помощью которых возможна передача эмоций и эмоциональных состояний человека. Цель исследования предполагает описание, характеристику и анализ зооморфизмов, используемых в эрзянском языке в качестве эмотивных лексем. Общетеоретическую и методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, касающиеся проблемы выражения эмотивности средствами языка.

Материалом исследования послужили данные словарей, фольклорные тексты и произведения художественной литературы. В работе используются основные методы лингвистического анализа – описательный, сопоставительный. При передаче эмоций и эмоциональных состояний человека язык использует различные группы лексических единиц. Одна из них – зооморфизмы, встречающиеся при передаче эмоционального отношения человека к окружающей действительности. Зооморфизмы эрзянского языка рассматриваются с точки зрения их дифференциации по принципу выражения эмотивного значения и функционально-семантической значимости.

Проведенный лексико-семантический анализ эмотивных зооморфизмов позволил выделить в эрзянском языке несколько разрядов лексем, определяющих качественные характеристики человека: умственные способности, описание внешности, физическое состояние, характер, моральное и этическое поведение. Определен круг зооморфизмов, используемых при передаче негативной оценки и соответствующих эмоций, и зооморфизмов, встречающихся при передаче позитивной эмоционально-окрашенной оценки и имеющих положительное значение.

Ключевые слова: зооморфизм; лексема; эмоция; эмотивность; семантическое значение; экспрессивно-эмоциональная окраска; положительная и отрицательная оценка.

Для цитирования: Рябов И. Н., Рябова Г. В. Использование зооморфизмов в презентации эмоций (на материале эрзянского языка) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 58–67.

Введение

Современная наука, анализируя передачу эмоциональных состояний человека при помощи языковых средств, использует данные когнитологии об эмоциях и разрабатывает лингвистическую концепцию эмоций. В. И. Шаховский говорит о новой отрасли языкознания – лингвистике эмоций (эмотиологии), определяя ее как науку «о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [20, *33*]. Одной из функций слова он называет эмотивную, с помощью которой выражаются чувства человека. Эмотивность выступает как выражение эмоций средствами языка на разных уровнях, однако, прежде всего, эмотивное значение слова проявляется в лексической системе языка.

Эрзянский язык использует разные группы лексических единиц для передачи эмоционального состояния человека. Особое место занимают зоонимы, являющиеся ярким показателем богатства духовной культуры мордовского народа, его миропонимания, красоты эрзянского и мокшанского языков. Д. В. Цыганкин пишет, что основная функция зоонимов заключается в воспроизведении тех фактов языка, которые на протяжении веков сформировались в понимании народа при восприятии того или

 © Рябов И. Н., Рябова Г. В., 2018

иного образа животного, его характеристики [21, *114*].

В современном языкознании термин «зооним» является общим наименованием представителей фауны – птиц, млекопитающих, насекомых и рептилий. По мнению О. М. Жариновой, зоонимы следует рассматривать как лексико-семантическую группу, в которой отсутствуют общие дифференцированные лингвистические признаки и полярность [9]. Они образуют значительный пласт экспрессивно-оценочной лексики и отражают особенности лингвокультурных ценностей носителей языка. Зоонимы, используемые для характеристики человека, свойственны любому языку. По утверждению Е. В. Скворцовой, термин «зооним» рассматривается как общая словарная единица, которая может функционировать и как «зоосемизм» (собственно название животного) и как «зооморфизм» (метафорический вариант зоонима, проецируемый на человека и имеющий оценочное значение) [16]. В данной статье мы ориентируемся на использование термина «зооморфизм», акцентируя внимание на передаче этой лексемой эмоций и эмоциональных состояний человека.

Проанализируем зооморфизмы эрзянского языка с позиции выражения эмоций человека в положительном или отрицательном значении. Это дает возможность описания функционально-семантических особенностей рассматриваемых лексем и позволяет выделить круг эмотивных зооморфизмов с различной степенью оценочности.

Обзор литературы

Обращение лингвистов к проблеме передачи эмоций и эмоциональных состояний средствами языка имеет достаточно обширную историю изучения как в зарубежном (B. Volek [24], W. Nöth [22], A. Wierzbizcka [25]), так и в отечественном (В. Н. Гридин [7], Э. А. Вайгла [4], Е. М. Вольф [5], В. И. Шаховский [19] и др.) языкознании. Исследователи данного вопроса затрагивали различные стороны языка, в частности лексический (Т. А. Графова [6], Л. Г. Бабенко [2]) и синтаксический (Л. А. Пиотровская [11], Т. В. Адамчук [1]) уровни. Проблема эмотивности в финно-угорском языкознании отражена с разных позиций в работах Е. В. Ботевой [3], А. Н. Ракина [12], Г. В. Жегалиной [10], Н. И. Рузанкина [13], K. Tamuri и M. Mihkla [23], В. Н. Соловара [17], Т. Р. Душенковой [8]. Г. В. Рябова, опираясь на утверждения В. Шаховского о том, что «эмоции получают языковое оформление» [18, *22*], отмечает, «в эрзянском языке существует пласт особой эмотивной лексики»[14, *13*]. При этом определенная лексема в речи «сознательно отбирается говорящими в зависимости от ситуации общения, поскольку эмотивные слова сообщают о душевном волнении человека, передают некую эмоциональную информацию и вызывают ответную экспансивную реакцию»[15, *182*].

Материалы и методы

При характеристике отличительных черт зоонимов в эрзянском языке нами использовался основной метод лингвистического анализа – описательный. Это дало возможность рассмотреть и очертить круг эмотивных зооморфизмов, передающих эмоциональные состояния человека. Метод лингвистического анализа позволил выделить группы зооморфизмов, используемых для передачи положительных и отрицательных эмоций. Материалом послужили данные словарей, фольклорные тексты и произведения художественной литературы эрзянских писателей, в частности К. Г. Абрамова, М. И. Брыжинского, А. А. Доронина, Ч. Журавлёва, П. А. Ключагина, В. М. Коломасова, А. Д. Куторкина.

Результаты исследования и их обсуждение

В эрзянском языке особенностью зоонимов является их активное использование для наименования человека: они отражают его внешность и черты характера, описывают его действия, состояния, физические и моральные качества.

Эмотивная характеристика зооморфизма всегда соотносится с семантикой нейтральной лексической единицы. Денотативное содержание нейтрального слова формирует эмотивность зооморфизма, при этом активную роль играют и микро-, и макрокомпо-

нент семантического поля языковой единицы. Так, семантика зоонима *ривезь* ‘лиса’ дает понятие о повадках хитрого животного. Данный зооморфизм используется для характеристики «хитрого, льстивого, лицемерного человека»[1]. Семантический план зоонима *нимиляв* ‘бабочка’ у носителей эрзянского языка ассоциативно связывается с молодой, не знающей забот девушкой, поскольку макрокомпонент этой лексемы ‘порхающее красивое насекомое’ ассоциируется с определением красоты и беззаботности. Наименование человека зооморфизмом *вадов* ‘ястреб’ указывает на его жестокость и коварность. Денотативное содержание данной лексемы создает образ сильной хищной птицы. Она может вызывать либо восхищение перед ее силой, что дает положительные эмоции, либо страх перед коварным хищником, граничащий с отрицательным эмоциональным состоянием. Например: *Тетяй, а тееви мезеяк, иля пеле. Ёжов* ***ривезекс*** *карман улеме* (Брыжинский 2013). «Отец, ничего не случится, не бойся. Хитрой лисой я буду»; *Ну, вастомазонок эно, Жорж! – чоледезевсь Варя ды, прок тундонь* ***нимилявне****, тусь кардазонь кенкшкантъ* (Щеглов 1996). «Ну, до встречи, Жорж! – проговорила (букв. проворковала) Варя и, словно весенняя бабочка, вышла со двора»; ***Вадов****, алкуксонь* ***вадов****! – Ильянь кирьгапарьс кеверсь умарень кондямо* (Доронин 1996). «Ястреб, настоящий ястреб! – У Ильи ком подкатил к горлу».

При реализации эмотивного зооморфизма в речи происходит переосмысление содержания нейтральной лексической единицы, переносное употребление которого строится на созначении данного зоонима. Эмотивное содержание зооморфизма семантически близко денотативному значению лексемы. Например, *гуй* ‘змея’ в сознании носителя языка проецируется с вредным, гадким человеком. Эмотивный компонент зооморфизма сформирован на макрозначении данной лексемы (семантическое поле слова с отрицательным содержанием складывается из-за физического переноса боли после укуса змеи). Например: *Эх, урьва, сонзэ превензэ, стала буть,* ***пупиця гуень*** (Куторкин 1969). «Эх, снoха, ее мысли, стало быть, как у жалящей змеи»; *Зяро мартонзо майсемат печтинь! Понгсь тень аволь ломань –* ***инегуй***! (Ключагин 1997). «Сколько я с ним намучилась! Попался мне не человек – змей ужасный (букв. великий)!».

Эмотивные зооморфизмы приобретают в речи экспрессивно-эмоциональные созначения. Данные лексические единицы выступают как образные сравнения, которые возникают в сознании человека и ассоциируются с образом того или иного животного. Его характеристики при этом переносятся на объект речи. Так, переосмысление семантического значения зооморфизма *ментюк* ‘налим’ создает новое экспрессивно-насыщенное созначение с отрицательным оттенком – образ этой рыбы ассоциируется со скользким, неприятным человеком.

Выбор зооморфизма из нейтрального пласта лексической системы языка контролируется сознанием говорящего и сознательно отбирается им в зависимости от эмоциональной насыщенности речевой ситуации. Так, зооморфизм *варака* ‘ворона’ в эрзянском языке дает о человеке информацию с определенной эмоциональной нагрузкой: а) зевака, ротозей, разиня; б) болтун, пустослов; в) хвастун. Всеми коммуникантами негативно воспринимаются такие черты характера, как болтливость и хвастовство. Следовательно, при выборе данной лексемы отражаются эмоции недовольства и раздражения: *Кодамо урьвадо лабордат,* ***варака****? – састь Оксянь кежензэ* (Доронин 1993). «О какой снохе болтаешь, ворона? – разозлилась Окся»; *Весе* ***варакатне*** *пуромсть ве пизэсэ, – низелгавтынзе Никон пеензэ* (Доронин 1996). «Все воронье собралось в одном гнезде, – оскалился Никон».

Зооморфизм *туво* ‘свинья’ в эмоционально-насыщенной речи получает эмотивный компонент со значениями: а) невежа, невоспитанный человек, не соблюдающий общечеловеческие и моральные законы общества; б) грязный, грязнуля, чумазый; в) обжора, человек, не знающий меры в еде. Зооним *киска* ‘собака’ носители эрзянского языка воспринимают со

[1] Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология. Саранск, 2000. С. 551.

следующей эмотивной нагрузкой: а) злой, жестокий человек; б) негодяй, подлый человек. Выбирая перечисленные лексемы, коммуниканты передают охватившие их чувства злости, ярости и гнева. Например: *Идемевсь, пильге оршамкат кудыкеле эзть оршаво?! – педясь эйзэнзэ васол бабась. – Истят* ***туво*** *ломанть эзинь некшне*! (Доронин 1996). «Черт, обувь не мог одеть в сенях?! – пристала к нему бабушка. – Таких свиней я не видела!»; *Артём пижнезевсь: Нарьгимизь,* ***кискатне****! Автень курго, стяконь винас нерентъ тонгия…* (Ключагин 1997). «Артём вскрикнул: Поиздевались надо мной, собаки! Разиня я, за бесплатным вином нос свой сунул»; *Чатьмонть. Азарсь* ***киска****! Эрямот перть минек веренек симат…* (Брыжинский 2013). «Замолчи. Бешеная собака! Всю жизнь свою нашу кровь пил…».

Из приведенных примеров следует, что функция эмотивных зооморфизмов в речи состоит в выражении эмоционального восприятия и отношения субъекта речи к определенному факту объективной действительности.

Транспозиция зооморфизмов в сферу эмотивной лексики

Номинация человека зооморфизмом опирается на различные признаки, характеризующие животное с той или другой стороны с учетом его повадок и внешнего облика. Функционально-семантический анализ метафорического образа животного определяет качественные характеристики человека: оцениваются его умственные способности, характер, внешность, поведение. При этом в речи создается конкретный метафорический образ, и, основываясь на сходстве с животным, он переносится на человека. Качественная характеристика зоонима, посредством которого подчеркивается то или иное человеческое качество, дает возможность разделить зооморфизмы эрзянского языка на несколько разрядов:

а) эмотивные зооморфизмы, характеризующие умственные способности человека. Например, лексемы *сараз* ‘курица’ и *реве* ‘овца’ указывают на человека недалекого ума, робкого, рассеянного, безобидного, бестолкового, подчеркивая манеру этих животных – постоянно метаться и соответственно кудахтать или блеять;

б) эмотивные зооморфизмы, характеризующие внешность человека, его физическое состояние. Так, лексическая единица *скал* ‘корова’ описывает полную, неповоротливую женщину; зооморфизмом *нармунь* ‘птица’ называют молодую, веселую девушку; слово *овто* ‘медведь’ указывает на неуклюжего, но здорового, физически крепкого человека;

в) эмотивные зооморфизмы, характеризующие моральное и этическое поведение человека. Например, зооморфизмом *сея* ‘коза’ подчеркиваются глупость и упрямство человека; лексема *катка* ‘кот, кошка’ употребляется при характеристике непорядочного в сексуальных отношениях индивида; зооморфизм *ваз* ‘теленок’ акцентирует внимание на мягкотелом и нерешительном человеке; зооморфизмы *кильдеме* ‘животное’, *вирькильдеме* ‘лесной зверь’, *идем ракша* ‘дикое животное’ указывают на невоспитанность;

г) эмотивные зооморфизмы, где учитываются как внешние характеристики зоонима, так и его поведенческий характер. Лексемой *туво* ‘свинья’ подчеркиваются такие черты человека, как обжорство, неблагодарность и невежество. При употреблении зооморфизма *гала* ‘гусь’ рассматривается внешнее сходство с названной птицей (красивое оперенье) и ее поведение (гордость и недоступность), в эмотивно-насыщенной речи выступает образ самовлюбленного и важного человека. Лексема *бука* ‘бык’ указывает на сильного, но упрямого человека. Например: *Тон мезть чарат-велят,* ***прок реве****? – пшкадсь баня-со важодиця бабинесь* (Ключагин 1997). «Ты что крутишься-вертишься, как овца? – спросила работающая в бане бабушка»; *Покштям, теке покш ёжов* ***овто****, кувсесь: “Таго тон, Числав, икельдимик”* (Журавлёв 1993). «Дед мой, словно большой хитрый медведь, вздыхал: “Опять ты меня, Числав, опередил”; *Нерькстневат эрьва кува* ***блудня псакакс*** (Куторкин 1969). «Суешься везде словно блудливая кошка»; ***Тувокс*** *ульнить,* ***тувокс*** *кадовитькак, – мерсь кежень пачк Пахом* (Коломасов 1996). «Был ты свиньей, свиньей и остался, – зло ска-

зал Пахом»; *Превеят* ***галась****: васня пушимик, ней шнамон ушодыть, – музгордезевсь сестэ Герасим Яковлевич эсь пачканзо* (Доронин 1993). «Умен ты, гусь: сначала меня обругал, теперь начинаешь хвалить, – ворчал про себя Герасим Яковлевич»; *Пелят Кандра атядо? Те ордадозь* ***букадонть***? (Щеглов 1996). «Боишься старика Кондратия? Этого упрямого быка?».

Эмотивные зооморфизмы как средство передачи положительной и отрицательной оценки

В эрзянском языке лексико-семантическая группа зооморфизмов кроме яркой экспрессивно-эмоциональной окраски может выражать оценочное значение, содержащее негативное либо позитивное отношение. Эмоциональная оценка всегда связана с положительными и отрицательными чувствами человека типа одобрения или неодобрения, любви, ласки, нежности или пренебрежения, презрения, негодования и др., испытываемыми субъектом по отношению к обозначаемому. Чаще всего эмоциональное отношение к объекту речи получает оценку субъекта или как «хорошее» (интересное, красивое, полезное, приятное и т. п.), или как «плохое» (грубое, страшное, неприятное и т. д.) с точки зрения норм бытия (поведения, восприятия).

В эрзянском языке из лексических единиц с эмотивным значением можно выделить: а) эмотивные слова с устойчивой положительной окраской, передающие положительные эмоции, несущие оттенок доброжелательности, одобрения, любви, ласки; б) эмотивные слова с устойчивым отрицательным значением, выражающие отрицательное эмоциональное состояние, которые одновременно содержат негативную оценку – неодобрительную, пренебрежительную, презрительную [14, *15*]. Зооморфизмы характеризуются устойчивым эмотивным содержанием, следовательно, они также несут положительную или отрицательную эмоциональную оценку. Например, эмотивный зооморфизм *цянав* ‘ласточка’ выступает в речи с позитивной оценкой, передавая оттенок чистоты и доброты; метафорический образ птицы *цёков* ‘соловей’ несет положительную эмотивную нагрузку, придавая словарной единице окраску веселья, ласки, игривости; с негативной оценкой выступают зооморфизмы *ваз* ‘теленок’ (безропотный человек, вызывающий сочувствие) и *нумоло* ‘заяц’ (человек вызывает к себе чувство жалости из-за излишнего страха и трусости), лексема *сий* ‘вошь’ выражает отрицательную оценку, указывая на нелицеприятного человека.

Внутри эмотивных зооморфизмов с ярко выраженной оценочностью выделяются две группы. Первая группа зооморфизмов передает чувства нерешительности, страха, обмана, лицемерия, слабости, негодования, злости, гнева, ярости. В нее входят названия домашних животных и птиц, зверей-хищников, определенный круг насекомых, рептилий, названия отдельных рыб: *киска* ‘собака’, *скал* ‘корова’, *реве* ‘овца’, *сараз* ‘курица’, *верьгиз* ‘волк’, *унжа* ‘жук’, *сукс* ‘червь’, *кендял* ‘клоп’, *сярко* ‘гнида’, *гуй* ‘змея’, *ёзнэ* ‘гадюка’, *метьказ* ‘ящерица’, *вереньпоти* ‘пиявка’, *ведьпеель* ‘моллюск’, *ментюк* ‘налим’, *гуйкал* ‘вьюн-рыба’. В эрзянском языке они используются с целью передачи отрицательных эмоций человека, а также для выражения негативной оценки. Например: *Каявинь ярсамкантень, теке вачо* ***пине****, – сёвнось цёрась эсь прянзо* (Пинясов 2002). «Набросился на еду, словно собака голодная, – ругал сам себя парень»; *Вана ломанесь: киськезэ* ***верьгизэнь****, пулозо* ***ривезень****, а содан, кодамо оймезэ.* ***Кискань****, – мерсь Промза* (Абрамов 1988). «Вот человек: кожа волчья, хвост лисий, не знаю, душа какая. Собачья, – сказал Промза»; *Максодо тень хоть ведь! – пижнесь Поля. – Пазонкак арась, навоз потмонь* ***унжат****…* (Щеглов 1996). «Дайте мне хотя бы воды! – кричала Поля. – Бога в Вас нет, жуки навозные…».

Вторая группа зооморфизмов используется при передаче положительных эмоций, передавая позитивную оценку. К эмотивным зооморфизмам с положительным значением относятся названия некоторых лесных птиц и животных (не хищников): *нармунь* ‘птица’, *цянав* ‘ласточка’, *цёков* ‘ласточка’, *гулька/мече* (диал.) ‘голубь’, *ур* ‘белка’. С их помощью выражается чувство любви, нежности, показываются лю-

безность, верность. Например: *Натальть-Игорть стясть, токавтызь турваст, мекев озасть. "Э-э,* ***гулькинеть****, истя тейнемс а лади!" – весе мештесэнзэ пейдезевсь Казань Зина* (Доронин 1993). «Наталья с Игорем встали, обменялись легким поцелуем, обратно сели. "Э-э, голубки, так делать не пойдет!" – всей грудью рассмеялась Казань Зина».

В составе эмотивных зооморфизмов с положительной оценочной характеристикой выделяются лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами – *левкске* 'детеныш', *нармушка* 'птичка, пташка', *гулькине* 'голубка'. В эрзянском языке положительное содержание этим зооморфизмам придают суффиксы эмотивной окраски **-ка**, **-ке**, **-не**, **-нэ**[2]. Зооморфизмы с эмотивными суффиксами отражают позитивный эмоциональный настрой индивида, который оценивается положительно и несет ласкательный оттенок – долгожданный, любимый, добродушный человек. Например: *Те кие кортыцясь? – Мон, Ёга. – А-а-а, пазонь* ***нармушка****... Тон, Ёга, ангелат* (Щеглов 1996). «Кто это говорит? – Я, Ёга. – А-а-а, божья пташка… Ты, Ёга, ангел»; *Тон,* ***гулькинемашинем****, эзик нее, кода од рысаконть тонавтыть? – ушодсь бояраванть кевкстнеме вечкиця мирдесь* (Доронин 1996). «Ты, голубка моя беленькая, не видела, как молодого рысака обучают? – начал спрашивать боярыню любящий муж».

В эрзянском языке при передаче положительных эмоций особую роль играет возрастной критерий. Так, образная характеристика детей с позитивной стороны создается при помощи уменьшительно-ласкательных (**-не-/-ка**) и лично-притяжательных суффиксов: *левкс* 'детеныш' – *левкс-ке-м* 'мой малыш', *пскака* 'кошка'– *псаки-не-м* 'котеночек мой', *озяз* 'воробей' – *озяз-ке-м* 'мой воробушек', *письмар* 'скворец' – *письмар-нэ-м* 'мой скворчонок', *ципака* 'цыпленок' – *ципаки-не-м* 'мой цыпленочек'. Например: *Валскестэнть авазо палызе чамаумарьс, чевтьстэ мерсь: "Чачома чить марто,* ***левкскем****. Покшсто покшокс каст ды превейнекс"* (Доронин 1996). «Утром мама поцеловала его в щечку, сказала мягко: "С днем рождения тебя, мой малыш. Расти большим и умненьким"»; *Ливтясть эйдем тиринь кудостост ашо* ***гулькинекс****, велявтсть кулякс варакадояк раужокс…* (Пинясов 2002). «Улетели детки мои из родного дома белыми голубками, вернулись новостью чернее ворона».

Эмотивный план зооморфизмов, содержащих оценочные наименования-характеристики, направлен на раскрытие коннотативно-денотативного содержания лексической единицы. В эрзянском языке некоторые из них могут выражать асимметрию положительных и отрицательных оценок. Так, зооморфизм *ур* 'белка' в речи используется для передачи положительной оценки (быстрый, юркий, шустрый человек), но может встречаться и с отрицательной оценкой, выражая негативное отношение к объекту речи (изворотливый человек). Эмотивная шкала зооморфизма *овто* 'медведь' также ассиметрична: передавая положительные эмоции, образ этого животного ассоциируется со здоровым, крепким, физически сильным человеком. Однако ассоциации, связанные с неуклюжестью названного животного в сознании говорящих, несут отрицательную оценочность – неуклюжий, грубоватый, необтесанный человек. Итак, категория оценочности этих зооморфизмов контекстуально зависима, что связано, скорее всего, с метафорическим образом данного животного у носителей языка. Например: ***Овтокс*** *важоди: чить колхозсо, валске марто, чопоньбелев ломантненень лезды – алятнэде аламо, цёрань кедтне жо вай кода эрявкшность*! (Пинясов 2002). «Как медведь работает: днем в колхозе, утром, под вечер людям помогает – мужчин мало, мужские руки ой как нужны были!»; *Бабась прась ды кода маштсь чумондсь монь эйсэ: "****Овто левкс****, кольстик пильгем! Тенстенть козонь понгсь кадсак!"* (Журавлёв 1993). «Бабушка упала и как могла винила меня: "Медвежонок, ногу мне изувечил! Веник где ни попадя оставляешь!"».

Как показывает исследование фактического материала, число высказываний, со-

[2] См.: Эрзянь-рузонь валкс. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва, 1993. С. 37.

держащих зооморфизмы с оценочным знаком «минус», значительно превышает число высказываний, в которых они употреблены со знаком «плюс».

Заключение

В лексической системе эрзянского языка зафиксированы определенные лексемы для передачи эмоционального состояния человека. Особое место среди них занимают зооморфизмы, являющиеся языковым средством выражения эмоций. Эмотивные зооморфизмы идеально приспособлены для выражения эмоций в максимально сжатой и эффективной форме. Они несут информацию не только об окружающем мире, но и о том, как говорящий относится к обозначаемому факту действительности. В речевых ситуациях выбор конкретной лексемы контролируется сознанием человека в зависимости от его уместности-неуместности.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что лексико-семантическая группа зооморфизмов активно используется для передачи эмоциональных состояний человека. При помощи данных лексем возможна передача качественной характеристики человека: дается анализ его умственным способностям, идет описание внешности, акцентируется внимание на характере и физическом состоянии индивида, оценивается моральное и этическое поведение. При этом учитываются повадки и внешний облик животного. Так, зооморфизм *сезьган* ‘сорока’ указывает на болтливого человека, подчеркивая поведенческий характер этой птицы – постоянно стрекотать; *алаша* ‘лошадь’ – выносливый человек, выполняющий тяжелую работу, поскольку это животное перевозит тяжести; *овто* ‘медведь’ – физически сильный человек, всем известна недюжинная сила данного животного.

Эмоционально-экспрессивный характер эмотивных зооморфизмов указывает на их функциональную значимость с оценочной семантикой – положительной или отрицательной. Рассматриваемый пласт лексики в основном приспособлен для выражения отрицательных эмоций, передавая чувства страха, злости, гнева, ярости, негодования (*киска*, *туво*, *реве*, *скал*, *верьгиз*, *гуй*, *сий*). В эрзянском языке группа зооморфизмов для передачи позитивной оценки намного уже, они выражают отношение одобрения, чувство нежности, ласки, верности, любви (*цёков*, *гулька*, *нимиляв*).

Функционально-семантический анализ зоонимической лексики эрзянского языка показывает, что для выражения эмоций в речи используются различные группы зоонимов. При передаче негативного эмоционального отношения встречаются в основном названия домашних животных (*туво*, *реве*, *киска*) и домашних птиц (*сараз*, *гала*, *атякш* ‘петух’). При передаче положительных эмоций чаще всего используются наименования нехищных лесных птиц (*цянав*, *цёков*, *локсей* ‘лебедь’).

Эмотивные зооморфизмы являются наиболее точными и экономичными средствами языка по части запоминания информации или воздействия на адресата. Они выразительны, обладают эмоционально-экспрессивной окраской, помогают быстрому овладению оценочной стороной языка, углубляя представления о системности и нормированности речевого стиля. При их использовании учитываются стилистическая сторона языка и национальная специфика.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абрамов 1988 – Абрамов К. Г. Пургаз: роман. Саранск, 1988.

Брыжинский 2013 – Брыжинский М. И. Кочказь произведеният. Саранск, 2013.

Доронин 1993 – Доронин А. А. Кочкодыкесь – пакся нармунь: роман. Саранск, 1993.

Доронин 1996 – Доронин А. Баягань сулейть: роман. Саранск, 1996.

Журавлев 1993 – Журавлёв Ч. Овто латко: ёвтнемат. Саранск, 1993.

Ключагин 1997 – Ключагин П. Цёканька: ёвтнемат. Саранск, 1997.

Коломасов 1996 – Коломасов В. Лавгинов. Саранск, 1996;

Куторкин 1969 – А. Д. Куторкин. Лажныця Сура: роман. Саранск, 1969;

Пинясов 2002 – Антонов Ю. Г., Брыжинский А. И., Ломшин М. И. Тиринь литература. Саранск, 2002.

Щеглов 1996 – Щеглов А. Гайкстак, бандура! Саранск, 1996.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамчук Т. В. Тематизация эмоций в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1996. 15 с.
2. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
3. Ботева Е. В. Суффиксы субъективной оценки существительных коми-пермяцкого языка // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание: [тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению / ИЯ АН СССР; НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР]. Саранск, 1972. С. 27–33.
4. Вайгла Э. А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1978. 21 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность / ИЯ РАН. Москва, 1996. С. 137–167.
6. Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1987. 22 с.
7. Гридин В. Н. К вопросу о составе и границах эмоциональной лексики // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку: сб. ст. / АН СССР. Москва, 1976. С. 130–139.
8. Душенкова Т. Р. Лексические дефиниции эмоции гнева в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29).С. 39–45.
9. Жаринова О. М. Зоонимическая лексика карельского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 22 с.
10. Жегалина Г. В. Способы выражения эмотивности в эрзянском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2000. 18 с.
11. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке. Санкт-Петербург: Образование, 1993. 71 с.
12. Ракин А. Н. Стилистически окрашенная лексика коми языка в лексикографическом аспекте исследования // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 75–89. (Тр. ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН; вып. 41).
13. Рузанкин Н. И. Эмотивные конструкции в современном эрзянском языке. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2008. 296 с.
14. Рябова Г. В. Эмотивная лексика эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 80 с.
15. Рябов И. Н., Рябова Г. В. Дифференциация лексем с эмотивным значением в мордовских языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3 (43). С. 177–183.
16. Скворцова Е. В. Частотность употребления позитивно и негативно окрашенных зооморфизмов в речи. URL: http://www.conf.tsu.tula.ru (дата обращения: 25.01.2017).
17. Соловар В. Н. Способы выражения эмотивности в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 3 (10). С. 60–68.
18. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20–25.
19. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 388 с.
20. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике// Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
21. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. Ч. 3. 244 с.
22. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Anglistentags “1991, Duesseldorf”: Proceedings / ed. by Wilhelm G. Busse. Tübungen: Max Niemeyer Verlag, 1992. P. 72–89.
23. Tamuri K., Mihkla M. Emotions and Speech Temporal Structure // Linguistica Uralica. 2012. Bd. XLVIII. P. 209–217.
24. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1987. 268 p.
25. Wierzbizcka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge University Press, 1999. 361 p.

Поступила 06.03.2018, опубликована 05.09.2018

USING ZOOMORPHISMS FOR THE PRESENTATION OF EMOTIONS
(a case study of the Erzya language)

Ivan N. Ryabov,
Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), ryabov.74@bk.ru

Galina V. Ryabova,
Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), ryabova.gv@bk.ru

The lexical and semantic layer of zoomorphisms appears in speech with different emotional-expressive coloring and reflects national specificities, beauty, and richness of the language. Zoomorphisms in the Erzya language used to convey emotions have not been studied precisely. The relevance of this study is caused by the need to analyze lexical potential of the Erzya language zoomorphisms. The subject of the analysis is emotive zoomorphisms, which are used to express emotions and emotional state of a person. The aim of the study is to describe, characterize and analyze zoomorphisms used in the Erzya language as emotive lexemes. The theoretical and methodological framework for the study is presented by the works of national and international scholars on the problem of expressing emotivity by the means of the language.
The materials for the study were dictionaries, folklore texts and works of fiction. The authors used such methods of linguistic analysis as descriptive and comparative one.
To convey emotions people use different lexical units such as nominative words. One of them is zoomorphisms, which are used to express the person's emotional relationship to the surrounding reality. Zoomorphisms in the Erzya language are analyzed in terms of their differentiation by their emotional value and functional-semantic significance.
The lexico-semantic analysis of emotive zoomorphisms made it possible to identify several categories of lexemes in the Erzya language. These lexemes are used to describe such qualitative characteristics of a person as mental abilities, appearance, physical condition, character, moral and ethical attitudes. The description of zoomorphisms with positive and negative meaning made it possible to determine the range of zoomorphisms used to convey negative evaluation and emotions and a group of zoomorphisms used to convey positive emotional evaluation.

Key words: zoomorphism; lexeme; emotion; emotiveness; semantic meaning; expressive and emotional coloring; positive and negative evaluation.

For citation: Ryabov IN, Ryabova GV. Using zoomorphisms for the presentation of Emotions (a case study of the Erzya language). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 58–67. (In Russian)

REFERENCES

1. Adamchuk TV. Thematisation of emotions in text. Abstract of dis. cand. of philol. sc. Piatigorsk; 1996. (In Russian)
2. Babenko LG. Lexical means for describing emotions in the Russian language. Sverdlovsk; 1989. (In Russian)
3. Boteva EV. The suffix of subjective evaluation in the Komi-Permyak language. *Voprosy sovetskogo finno-ugrovedenia. Iazykoznanie* = Issues of Soviet Finno-Ugric Linguistics. Saransk; 1972: 27–33. (In Russian)
4. Vaigla EA. Emotionally coloured words of the modern Russian language and the problems of translating them. Abstract of dis. cand. of philol. sc. Moskva; 1978. (In Russian)
5. Vol'f EM. Functional semantics. Describing emotional states. *Funktsional'naia semantika: otsenka, ekspressivnost', modal'nost'* = Functional semantics: value, expressiveness, modality. Moskva; 1996: 137–167. (In Russian)
6. Grafova TA. The role of emotive connotation in word semantics. Abstract of dis. cand. of philol. sc. Moskva; 1987. (In Russian)
7. Gridin VN. The issue of composition and boundaries of emotive words. *Psikholingvisticheskie problemy obshcheniia i obucheniia iazyku: sb. st.* = Psycholinguistic problems of communication and teaching languages. Proceedings. Moskva; 1976: 130–139. (In Russian)
8. Dushenkova TR. Lexical definitions of emotions from anger in the Udmurt language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2017; 2; 29: 39–45. (In Russian)
9. Zharinova OM. Zoonimic words of the Karelian language. Abstract of dis. cand. of philol. sc. Petrozavodsk; 2006. (In Russian)

10. Zhegalina GV. The ways to convey emotivity in the Erzya language. Abstract of dis. cand. of philol. sc. Saransk; 2000. (In Russian)
11. Piotrovskaia LA. Emotive statements in the modern Russian language. Sankt-Peterburg; 1993. (In Russian)
12. Rakin AN. The connotative words of the Komi language in terms of lexicography. *Leksikologiia i leksikografiia komi iazyka* = Lexicology and lexicography of the Komi language. Syktyvkar; 1988; 41: 75–89. (In Russian)
13. Ruzankin NI. The emotive constructions in the modern Erzya language. Saransk; 2008. (In Russian)
14. Riabova GV. The emotive words in the Erzya language. Saransk; 2008. (In Russian)
15. Riabov IN, Riabova GV. Differentiation in emotive lexemes of the Mordovian languages. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2017; 3; 43: 177–183. (In Russian)
16. Skvortsova EV. Frequency of using positive and negative zoomorphisms in speech. Available from: http://www.conf.tsu.tula.ru (accessed 25.01.2017). (In Russian)
17. Solovar VN. The ways to convey emotiveness in the Khanty language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2012; 3; 10: 60–68. (In Russian)
18. Shakhovskii VI. The types of meanings of emotive words. *Voprosy iazykoznaniia* = Issues of Linguistics. 1994; 1: 20–25. (In Russian)
19. Shakhovskii VI. The linguistic theory of emotions. Moskva; 2008. (In Russian)
20. Shakhovskii VI. Emotions as a subject for studying in linguistics. *Voprosy psikholingvistiki* = Psycholinguistics issues. 2009; 9: 29–42. (In Russian)
21. Tsygankin DV. The Mordovian languages through the eyes of a linguist studying the Finno-Ugrian languages. Saransk; 2013; 3. (In Russian)
22. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words. *Anglistentags "1991, Duesseldorf". Proceedings*. Tübungen; 1992: 72–89. (In English)
23. Tamuri K, Mihkla M. Emotions and Speech Temporal Structure. *Linguistica Uralica*. 2012; 48: 209–217. (In English)
24. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia; 1987. (In English)
25. Wierzbizcka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge University Press; 1999. (In English)

Submitted 06.03.2018, published 05.09.2018